

29 апреля 1857 года кадет пишет родителям из Петербурга: «Погода у нас стоит прекрасная; тепло, в саду у церкви Николая Морского трава зазеленела. Я думаю, что и у вас в Тихвине показываются почки на смородине и расцвели фиалки и скоро расцветут тюльпаны и нарциссы. Как теперь, я думаю, приятно и весело бы мне было погулять за Красный луг к Заболотью, на том большом поле, что близко этой деревни или на кладбище, на заводе Латонина и проч. Но в корпусе нельзя иметь этих удовольствий. Можно только качаться на гигантских шагах <ходули?> или играть в лапту, зайцы и охотники, пятнашки мячиком, поддавать мячик и проч., но всё это приелось и наскучило, остается шляться по роте, по коридорам и дворам, вместо прогулки, или из роты в большой зал, из зала в лазарет, из лазарета в кадетские классы, из кадетских – в офицерские, оттуда – во двор и т.д., воображая, что гуляешь на Тверской шлюз, на Латонин завод, Заболотье и проч.. За корпусом всё веселее, гуляешь на свежем воздухе, но среди пыли, по камням, в толпе народа и экипажей» (РНБ, ф.640). Спустя недолго (дата в публикации означена промежутком 29.04 – 05.05) название игры повторяется в другом письме: «...Погода стоит довольно хорошая, и мы целый день проводим на дворе, качаясь на гигантах, играя в лапту и поддавая в большой мячик. Последняя игра мне очень нравится, и я всегда принимаю в ней деятельное участие. Таким образом мы проводим весь день, кроме того времени, когда надобно готовиться к экзамену» [«Страницы жизни Н.А.Римского-Корсакова», т. 1-й, с.53]. Из этих беглых описаний следует, что игра отлична от лапты и пятнашек, что используемый мячик «большой» и его «поддают» (видимо, ногами). Игра ведётся во дворе корпуса, предназначенном для маршировок и имеющем твердую поверхность: иначе говоря, она отличается и от англо-саксонского футбола школы Регби (до 1863 г. не обособившегося от футбола Итонской школы), и от русской игры «Ила» (ближе всего напоминавшей американский футбол). Ближе всего это напоминает наш хорошо знакомый футбол по правилам школы Итона, однако, согласно официальной историографии, пришедший в С-Петербург лишь в конце 1880-х годов.

06\18 марта был день рождения Николая Андреевича Римского-Корсакова – величайшего, если отбросить «революционные» и «политкорректные» выверты музыкальной критики, Русского композитора. За датами низвержения Русской монархии и Крымского референдума, событие осталось незамечено. А названные выверты многочисленны.

В нач. XX века, в эпоху Дягилевских сезонов, именно пионер русского авангарда с учениками (Лядов, Стравинский, Прокофьев) представляли во всём мире Русское искусство. А шлягеры, созданные академическим музыкантом, доньше могли бы достойно и конкурентно противостоять русскоязычной эстрадной попсе – ставшей массовой, «общенародной» музыкальной псевдокультурой!

Но, угнетавшийся бюрократической цензурой и до 1917 г., Корсаков – с его нерушимым национальным стержнем – оказался неприемлем тем силам, что пришли к власти после свержения монархии. Утверждение идеологии т.наз. «антифашизма», – разработанной в 1920-х идеологами Коминтерна Л.Троцким, А.Граммши, В.Мюнценбергом, – и вовсе сделало имя русского музыканта-«язычника» «контрреволюционным». Создатель Песни Псковской вольницы и «Сечи на Керженце», в чьих опусах разлита политически «некорректная» – европейская языческая стихия, – не только великорусская или (вот страх то!..) украинская, но и польская, и италийская («Сервилия», «Садко»), явленная без окаррикулирования: достойной соперницей спекулятивных ближневосточных химер, – сделался

бельмом в черном глазу русскоязычного политического музыковедения. Не легализовал его имя, вот, и пропагандистский ЧМ-2018, хотя, как мы видели, петербургские морские кадеты играли в «гейропейский, безродно-космополитический» футбол уже в 1850-х годах, задолго до его официального русского юбилея, и известным это становится именно из письма кадета Корсакова. Впрочем, сам том издания, по целому ряду политических причин, в отличие от трех последующих, оказался в 1970-х годах изъят из ВСЕХ общедоступных библиотек, не имевших спецхрана (в музее Римского-Корсакова в Тихвине том сберегли, изъяв из общего хранения и припрятав, так, что в наше время смогли найти не сразу).

Этот бзик – именно наш, отечественный! А на Западе «Царская невеста» и «Золотой петушок» считаются классическими русскими театральными шлягерами, равно «Годунову» или «Онегину».

Режиссер Антон Гопко частично объясняет недоброжелательность критики: *«...Римского-Корсакова всё время норовят в чём-нибудь обвинить. ...Недавно я узнал, что в советские годы даже существовал негласный запрет на упоминание того факта, что многие сцены «Князя Игоря» написаны Римским-Корсаковым. Почему, спрашивается?»*

...Римскому-Корсакову ужасно не повезло. Будь он гомосексуалистом, или алкоголиком, или, на худой конец, химиком – всё было бы не так страшно. Это вполне продаваемые «бренды». Но он был просто честным, скромным, ответственным и трудолюбивым мастером своего дела. А профессор Преображенский никогда, ни при каких обстоятельствах, не станет русским национальным героем. Ну, а то, что музыку гениальную писал, так мало ли кто чего писал? Музыка Римского-Корсакова слишком изысканна и интеллигентна, чтобы быть популярной. И при этом начисто лишена той высокопарности и заумности, благодаря которым она могла бы прослыть «элитарной». Куда ни кинь – всюду клин, в общем.

...Римский-Корсаков неудобен. Со своей внешне непримечательной биографией трудоголика, со своей трезвостью и отсутствием какой бы то ни было блажи, со своим вдохновенным, порой весьма непатриотичным космополитизмом, со своими гуманистическими, европейскими идеалами, он никак не желает вписываться в идиллическую и самоварную историю русской музыки. Замолчать Римского-Корсакова нельзя – слишком крупная

фигура. И потому историография разделалась с ним другим путём: чуть-чуть отодвинула на второй план, а заслуженное восхищение подменила заслуженным уважением. И гениальный музыкант как-то незаметно превратился в видного деятеля. Кто у нас великий русский композитор? Мусоргский? Чайковский? А Римского-Корсакова знаете? Конечно – как же, это такой известный профессор. Немножко, правда, сухарь, книжный червь, но зато всю жизнь беззаветно служил искусству... Тьфу!» [А.Гопко «Профессия – гений»]...

Неудобен – погонями русского офицера, достоинством литовского дворянина – исключавшим холуйство пред идолами поповской «духовности» и «демократическими ослами» (Пушкин), полнейшим отсутствием каких-либо жизненных иллюзий – реализмом мышления, выкованным Морским корпусом и огромной практикой служебных отношений. Игорь Стравинский вспоминал: однажды, среди консерваторских учеников велась горячая дискуссия, на модную у декадентов нач. XX века тему той морковки, что издавна насаждается попами и имущими властью князьями – посмертного бытия, «жизни вечной». Вошедший в аудиторию Учитель, вопрошаемый учениками, взяв мел, начертил на доске огромный ноль: показывая слушателям, математически безупречно, что «останется» с окончанием жизни, почему нельзя откладывать задуманное на будущее время.

Добавим к перечисленному Гопко... Подвергается забвению поэт и воин, в 1863–1865 гг. совершивший 3-летнее дальнее плавание, в 1866 и 1867 в летние кампании ходивший на кораблях сил Балтийского моря, трудившийся в 1869 в составе команды, приводившей в исправность корабли ВМФ, стоявшие в Петербургском порту, а осенью 1870 г. вошедший в аварийно-спасательную партию, развернутую ввиду наводнения Невы. Всё это – послужной список лейтенанта Корсакова, с середины 1860-х прогрессирующе терявшего зрение, единственного на флоте, по особому приказу получившего разрешение носить очки. Когда надежды на выздоровление рассеялись, моряк продолжил флотскую службу в статском чине, приняв в 1873 г. под свою команду военно-морскую оркестровую службу. Наконец, судя по его письмам из Морского корпуса, уже в середине того века русские морские кадеты играли в игру с мячом по Итонским правилам. И говоря о композиторе – дело мы имеем с одним из первых русских футболистов...

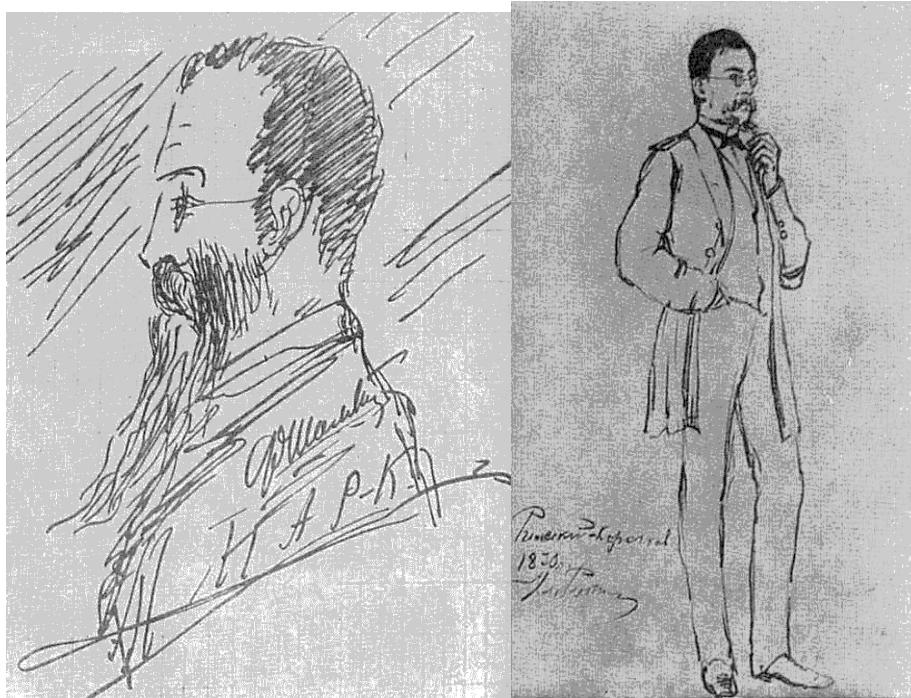
04 декабря минувшего года в Тихвине, в рамках 10-го международного оперного фестиваля, напротив дворца культуры им. Римского-Корсакова, был установлен новый памятник композитору. Работа – скульптора Василия Селиванова, ранее ставившего памятники Кузьме Минину в Богородске и Владимиру Храброму в Серпухове. На постаменте бронзовая фигура, внизу справа от композитора на кипарисовом бревне сидит гуслик Садко, герой его оперы.

Церемония была торжественной, присутствовали губернатор Александр

Дрозденко, сенатор Игорь Фомин, глава Тихвинского р-на ЛО Александр Лазаревич, художественный руководитель Тихвинского фестиваля н.а.РФ Лариса Гергиева, праправнук композитора Николай Головкин и др. Губернатор ЛО выразил надежду: «...Я уверен, что этот замечательный памятник композитору станет еще одной знаковой достопримечательностью Тихвина, посмотреть на который смогут многочисленные гости Ленинградской области».

В этом, однако, мы выразим сомнение. Фото памятника прилагается, и читатель может сравнить сурового бородатого дядьку, в комичном скрутке, непонятной позе и неестественных пропорциях, с хорошо знакомым, довольно-таки формальным стилистически, но портретным памятником, стоящим возле Петербургской консерватории. Можно заметить, что скульптор взял за образец карандашный шарж Ф.И.Шляпина и набросок, выполненный И.Е.Репиным. Но набросок – был именно наброском, выделявшим частные, интересовавшие на тот момент художника черты, поглощенные общим видом на портрете, подготовке к которому служил набросок. Взятые за основу, они и памятник превращают в шарж.

Выскажем предположение, как должен выглядеть памятник Н.А.Римскому-Корсакову, достойный его малой родины. В 1856 г. будущий композитор покидает отечество, принятый в Морской корпус, далее бывая дома лишь при чрезвычайных семейных обстоятельствах. Весной 1862 году Николай с братом Воином приезжают в Тихвин последний раз, прощаясь со скончавшимся отцом. Оттоле родовой дом - ставший грустным обременительным небогатой беспоместной семье, был покинут. Гардемарин Корсаков - отбывает из своего последнего тихвинского отпуска в Петербург, где его ждет выпуск в строй, 3-летнее дальнее плавание и 1-я симфония ми-минор - 1-я симфония в русской академической музыке.

Так и должно ваять его в Тихвине: молодым, с николаевской кадетской выправкой, в мичманском мундире и при кортике, смотрящим в открывающуюся даль.

Р.Жданович